ISSN 1990-9381

СЕМЕЙНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СЕМЕЙНАЯ ТЕРАПИЯ

В номере:

Научно-практический журнал
№ 1 январь–март 2010
Москва

ПОЧЕРК И ПОЛ: СКАНДАЛ В «БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ»

В статье рассматриваются истоки и эволюция проблемы идентификации пола по почерку. Подробно разбираются эксперимент Бине и построенная на его основе типология почерков, а также результаты других исследований, показавших, что от четверти до трети всех графологических суждений о поле не соответствуют «реальности», и ставших тем самым толчком к скандалу, который заставил графологов надолго отказаться от этой задачи. Раскрываются основания идеи о том, что у почерка и даже у самой души нет пола, и рассказывается о первых попытках ее опровержения.

Приводятся накопленные к началу XX века материалы наблюдений и экспериментальные факты о принципиальных различиях и даже известной противонаправленности мужского и женского складов человеческой натуры и данные о том, как это, в частности, выражается в почерке не только взрослых, но и детей, едва научившихся писать. В систематизированном виде описываются экспериментально установленные признаки, по которым даже «дилетантам» удавалось определять пол по почерку. Наконец, демонстрируется, как в эксперименте почерк, будучи одной из форм выразительных движений, проявляет хорошее согласие с другими (походкой, жестами и т.д.), составляя фактически лишь фрагмент автопортрета личности, воплощаемого ею в различных видах активности.

Ключевые слова: почерк, пол, графология, душа, выразительные движения.

Постановка проблемы

В каких только грехах не обвиняют графологию. Ненаучное рассуждательство — только одна и притом далеко не самая хлесткая характеристика. Гораздо чаще говорят, что она спекулирует на слабостях психологии и невежестве людей. И как апофеоз — это сплошное надувательство, или, попросту выражаясь, шарлатанство.

На первый взгляд, критические доводы, обращенные к графологии, кажутся вполне убедительными. Но если присмотреться к ним попристальнее, сразу же бросятся в глаза их весьма чувствительные изъяны.

Одно из самых расхожих возражений сводится к констатации недостаточной стандартности графологического инструментария. Мол,

---

Петросян Армен Эрнстович — доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Тверского филиала Северо-Западной академии государственной службы.

чуть ли не каждый графолог трактует признаки почерка хотя бы отчасти по-своему. Тем самым сопоставление выводов, сделанных разными экспертами, становится почти бессмысленным. Поскольку они основаны на существенно разных предпосылках, даже их полное согласие между собой ничего не доказывает, а, наоборот, лишь пробуждает дополнительные сомнения. Если, отталкиваясь от столь разноречивой базы, можно, тем не менее, прийти к одинаковым заключениям, значит, что-то не в порядке в самих рассуждениях.

Конечно, это возражение не является надуманным. Оно опирается на реальное положение дел в графологии. Уровень ее стандартизации и вправду не так уж высок. Но дело в том, что он не устанавливается произвольно, по чьему-то желанию, а выражает, с одной стороны, сложность и многообразие самого предмета, а с другой — меру зрелости данной области знания.

Те, кто знаком, например, с историей физики, могут подтвердить, что и в ней было не так уж много единообразия до Галилея и Ньютона. Да и в современной физике высоких энергий способов истолкования экспериментальных данных иногда едва ли не больше, чем самих интерпретаторов. Так что в этом отношении графология мало чем отличается от «канонических» наук. Если, конечно, отвлечься от ее относительной молодости и связанной с этим слабой разработанности.

То, что практические методы графологов обладают каким-то (подчас весьма существенным) своеобразием, тоже вполне закономерно. Эксперт, составляющий личностный портрет по почерку, не столько открывает новые закономерности, сколько применяет знание уже известных связей и корреляций к конкретным образцам письма. И, естественно, он это делает во многом иначе, нежели его коллеги.

Любой учитель той же физики или, например, математики подтвердит, что даже дети решают школьные задачи вовсе не одинаково, хотя пройденная ими теория одна и та же (стандартна). Некоторые из них способны лишь на непосредственную подстановку данных в «готовые» формулы. Другие проявляют чудеса находчивости и изобретательности, неожиданным образом соединяя усвоенное и приспосабливая его к предложенным условиям. Вряд ли можно сказать о таких учениках, что они прибегают только к стандартным способам. Более того, чем стандартнее их мышление, тем меньшую цен-

ность оно представляет с точки зрения будущих достижений в этой области знания.

Если бы не было своеобразия в приемах и методах «прикладных» специалистов, не существовало бы плохих и хороших инженеров. А ведь «водораздел» между ними располагается именно в плоскости использования стандартов. Если первые из них просто наполняют «заготовки» (шаблоны) конкретным содержанием, то вторые находят в «сопротивляющемся» материале новые конфигурации, не охваченные теорией (стандартами), и непосредственно воплощают их в своих решениях.

Нередко графологам ставятся в вину и так называемые ошибки атрибуции, когда личности приписывается то, что на деле обусловлено ситуацией, в которую она погружена. Так, сплошь и рядом на характер письма и его устойчивость влияют социальные и демографические факторы, как бы затушевывая свойства самого «Я»[1]. Но и тут нет ничего специфического для графологии. Эта ошибка присуща человеческому мышлению вообще и в особенности применению знаний на практике.

Одному богу известно, где проходит точная граница между объектом внимания и окружающей его средой. А поскольку явления, с которыми сталкивается эксперт, выступают продуктами их взаимодействия, какой бы высокостандартной теорией он ни руководствовался, вряд ли удастся ему избежать риска смещения акцентов. А потому всегда есть опасность не только «присвоения» человеку случайных характеристик, вызванных к жизни обстоятельствами, но и, наоборот, «обвинения» их в том, что в действительности «вытекает» из природы самой личности.

Такие ошибки постоянно совершаются врачами при установлении диагноза. Однако на этом основании никто не оспаривает статус медицины. А фундаментальная наука? Избавлена ли она от неправильной атрибуции? Регистрируя ту или иную элементарную частицу, физики исходят из ее природы, которая, в свою очередь, проявляется в свойствах, выступающих как результат взаимодействия со средой, включая экспериментальную установку. Иными словами, вначале свойства частицы «выводят» из наблюдаемых эффектов, а затем по ним идентифицируется сама частица. И нередко за ее свой-

[1] См.: Rafaeli A., Drory A. Graphological assessment of personnel selection: Concerns and suggestions for research // Perceptional and motor skills. 1988. Vol. 66. P. 743–759.

ства принимается то, что порождается исключительно окружающими условиями. Неудивительно, что ошибки идентификации становятся массовым явлением. Но ставит ли это под сомнение физику элементарных частиц?

А насколько удачно предсказывают погоду метеорологи? Понятно, что их результаты тоже далеки от стопроцентных. Не говоря уже о психологических тестах, проблема валидности и надежности которых давно уже стала притчей во языцех. Так откуда же берется столь придирчивое отношение к графологии?

Однако этим дело не ограничивается. Наиболее убийственным доводом кажется противникам графологии ее неспособность распознать элементарные, легко проверяемые качества человека, например, принадлежность к тому или иному полу. Ведь если она основана на реальных соответствиях между особенностями личности и свойствами почерка, то должна приводить к выводам, совпадающим с фактами. И в этом смысле пол, в отличие от туманных «абстракций» — вроде капризности или благородства, — определяется, за редчайшими исключениями, вполне однозначно. И соотнося с ним суждение, вынесенное о человеке на основе его почерка, можно оценить и силу самой графологии.

Между тем, как язвительно замечают критики графологии, ее выводы изобилуют ошибками. Причем в случае выявления таких, казалось бы, очевидных «параметров», как пол, они встречаются едва ли не чаще, чем при определении глубинных характеристик личности. Стало быть, графология не вправе претендовать на роль подлинного знания о природе человека, и ее оценки не стоит принимать всерьез.

Так ли это?

Несмотря на свою «предельную очевидность», пол отнюдь не является элементарным свойством человека. С ним сопрягается сложное переплетение такого количества характеристик, что, если на минуту отвлечься от чисто внешних признаков и сосредоточиться на том, какое физиологическое, психологическое и личностное содержание за ним скрывается, первым чувством окажется легкая растерянность. Ибо оно столь обширно и многообразно, что с трудом укладывается в «прокрустово ложе» одномерного понятия. А ведь графология пытается «реконструировать» пол всего лишь по ничтожной части его проявлений в почерке — примерно так же, как охот-

ник по следам определяет, какой зверь их оставил, каковы его намерения и где следует его искать.

Так в состоянии ли графология правильно диагностировать пол человека по его почерку? Насколько велика доля ошибок? И чем они обусловлены — слабостью самой графологии или сложностью ее предмета? Ведь сила любого знания оценивается не только по числу точных «попаданий», но и по тому, как объясняются ошибочные выводы. Иногда они заставляют отказаться от предпосылок, на которых строятся. Но бывает и так, что именно благодаря им открываются новые горизонты мысли.

Статья первая. Скандал в «благородном семействе»

1. Эксперимент Бине

В числе первых, кто заинтересовался вопросом о том, можно ли достоверно определить пол по почерку, был французский психолог А.Бине. Еще в конце XIX века он провел любопытный эксперимент с участием двух графологов — знаменитого Ж.Крепье-Жамена, автора ряда графологических трудов, включая впоследствии написанную работу, посвященную взаимосвязи почерка с полом и возрастом[2], и ныне забытого, но тогда пользовавшегося солидной репутацией Ж.Элуа. Бине собрал 180 конвертов, надписанных разными людьми обоих полов, и предложил этим графологам ознакомиться с ними и решить, кому — мужчине или женщине — принадлежит тот или иной почерк.

Как и следовало ожидать, результаты оказались далеко не абсолютными. Крепье-Жамен правильно идентифицировал пол 141 человека, то есть почти в 79 процентах случаев. При этом от вывода по одному из 180 полученных образцов он уклонился, заметив, что, возможно, конверт надписывал сам дьявол. То ли тот смеялся, то ли, наоборот, пребывал в плохом настроении, но почерк не поддавался идентификации. А может, дело было в том, что письмо было чересчур беглым?

Это был далеко не единственный случай, когда графолога одолевали сомнения. Только по поводу 129 образцов он выносил свои суждения с уверенностью. А, значит, в каждых двух случаях из семи он колебался. На них приходятся 23 из 50 его ошибок, то есть 46 процентов. Зато там, где его выводы не сопровождались сомнениями,

[2] См.: Crepieux-Jamin J. L'age et le sexe dans l'ecriture. P.: Adyar, 1924.

доля ошибок была в 2,2 раза меньше (20,9 процента). Следовательно, образцы почерков, при идентификации которых Крепье-Жамен испытывал затруднения, действительно, с трудом согласовывались с его критериями и в этом смысле представляли собой нечто «размытое» и «промежуточное».

Таким образом, ошибки совершались, главным образом, в тех случаях, когда сам графолог не был вполне уверен в правильной идентификации почерка. Отсюда возникали два естественных вопроса. Во-первых, каковы критерии, на которых строилась идентификация пола пишущего? И, во-вторых, что именно вызывало наибольшие сомнения?

Крепье-Жамен подробно описал принципы, лежавшие в основе его суждений. Сославшись на то, что сама возможность сопоставления почерка с полом возникла благодаря разработкам Ж.-И.Мишона, он заметил, что в одной из своих книг посвятил этому вопросу небольшую главку[3]. Поскольку каждый из полов обладает рядом специфических характеристик, они должны как-то проявить себя и в почерке.

По словам графолога, ему достаточно было нескольких секунд, чтобы определить пол писавшего. Но, если требовалось обосновать суждение, приходилось подолгу раздумывать. Бывало, что не хватало и четверти часа, да и то оно выносилось лишь с определенной вероятностью. В эксперименте Бине размышления длились иногда по часу, но в среднем на образец затрачивалось 10 минут.

Сама идентификация пола по почерку также происходила не единообразно. Крепье-Жамен то отталкивался от личности пишущего, то опирался лишь на графические знаки. При этом он полагал, что у женщин движения неловкие, неуклюжие и вялые; темп их не очень высок, а само письмо нестройно, беспорядочно и утрированно. Их почерк обычно имеет больший наклон, кажется хрупким, и в нем более выражена претензия на усложнения. Часто встречаются и слишком высокие строчные буквы — особенно «s», «г» и верхняя часть «р». Последние буквы в слове нередко бывают растянуты.

Не стоит, по Крепье-Жамену, придавать преувеличенное значение легкости и изяществу женского почерка. Гораздо чаще в нем попадаются акцентированные черты (с особым нажимом) и утолще-

---

[3] См.: Crepieux-Jamin J. Traite pratique de graphologie: Etude du caractere de l'homme d'apres son ecriture. P.: Flammarion, 1885. P. 253–260.

ния. Это свидетельствует о том, что женщина более чувственна. Хотя верно и то, что утолщения можно связать с чревоугодием.

Для мужчин характерны четкость, твердость, уверенность, простота и сдержанность линий. Упрощения, являющиеся графологическим признаком культуры мышления, встречаются у них гораздо чаще, чем у женщин. Соединительные черты кажутся более легкими и естественными. Причем это свойственно даже людям не очень культурным и малообразованным. Только их почерк выглядит проще и строже. Наконец, тут большая редкость — вялое письмо.

Разумеется, Крепье-Жамен отдавал себе отчет в том, что каждый из этих признаков сам по себе недостаточен для идентификации пола. Их нужно рассматривать во взаимосвязи и взаимовлиянии. Более того, по его словам, когда возникают даже мелкие сомнения, оценка не может считаться достоверной. Ей следует придавать вероятностный оттенок.

К каким выводам должен был прийти Бине, опираясь на результаты своего эксперимента?

Прежде всего, почерк в целом позволяет определить пол своего «хозяина». Ведь правильные заключения графолога значительно превышают норму случайного угадывания (от трех четвертей до четырех пятых против половины). Однако фактом является и то, что признаки, по которым он судит о почерке, отнюдь не гарантируют верного ответа. Столь существенная доля ошибок (от одной пятой до четверти всех случаев) свидетельствует о том, что между характеристиками почерка и полом нет однозначной связи[4].

Когда графолог приступает к анализу почерка, он часто сталкивается с противоречивостью выделяемых признаков. Конечно, в большинстве случаев они согласуются между собой и дополняют друг друга. Но бывает и так, что их не удается примирить. Некоторые характеристики выбиваются из общей картины, и графологу ничего не остается, как просто держать в уме эти противоречия или же взвешивать, какие из несовместимых свойств важнее, чтобы именно их положить в основу графологического портрета, а противоположные учитывать как «довесок» к нему. Так что итоговая оценка оказывается тонкой и деликатной работой, во многом состоящей из разреше-

---

[4] См.: Binet A. Les revelations de l’ecriture d’apres un controle scientifique. P.: Felix Alcan, 1906. P. 10.

ния противоречий. Поэтому немудрено, что ему далеко не всегда удается прийти к правильным выводам.

Но дело, конечно, не только в этом. Даже если отвлечься от сложности и творческого характера графологического анализа, неясности остаются. Как согласуются между собой особенности почерка и пол его «хозяина»? Имеются ли четкие критерии, по которым определяется пол человека, или же по признакам «реконструируется» его личность, и лишь затем ей «приписывается» тот или иной пол? Эти вопросы приобретают особую остроту, когда знакомишься с результатами второго графолога, участвовавшего в эксперименте.

Ответы Элуа не сильно расходились с суждениями Крепье-Жамена. Правда, у него не было возможности ознакомиться со всеми образцами. В его руки попали лишь 103 конверта. Однако он сделал и гораздо меньше ошибочных заключений — 25, что составляет 24,3 процента от их общего числа. То есть доля правильных суждений достигала у него почти 76 процентов, а это лишь немногим уступает результату Крепье-Жамена.

Между тем критерии, которыми руководствовался Элуа, как и весь его подход к графологии, носили скорее философский, нежели конкретно-практический характер[5]. По его мнению, если женщины больше склонны к изяществу и гармоническим действиям, не требующим больших усилий, то мужчинам свойственны сила и способность продираться через тернии, используя свою мощь. Поэтому ум, деятельность и мораль у женщин страдают определенной слабостью и даже ограниченностью, примитивизмом, что, естественно, находит отражение и в почерке.

Конечно, такая позиция выглядит, мягко говоря, несколько эксцентричной. Но больше удивляет другое. Несмотря на то, что принципы Элуа трудно применить к конкретным образцам письма, он мало в чем уступил Крепье-Жамену, выдвигавшему четко различимые и детализированные критерии. Так, может, за его «размытыми» мерками скрывались другие принципы, которыми он в действительности руководствовался, даже если сам этого не осознавал?

2. Первая типология

Можно было бы, конечно, сослаться на недостаточно высокий уровень развития графологии, который не дает возможности полу-

[5] См, напр.: Eloy J. Etude sur la bonte: Etudes philosophiques et graphologiques. P.: Bureaux de la graphologie, 1905.

чать более точные результаты. Но ведь дилетанты вообще не имеют о ней никакого понятия и, тем не менее, заблуждаются в своих выводах немногим чаще, чем профессионалы. Значит, объяснение надо искать в чем-то другом, вероятно, непосредственно соприкасающемся с личностью того человека, чей почерк рассматривается. Тогда Бине решил специально изучить, с одной стороны, образцы письма, которые ни у кого не вызывали сомнений, а с другой — те, что приводили к наибольшим колебаниям и расхождениям.

Оказалось, что все почерки подразделяются на три неравные категории. К первой — наиболее многочисленной — относятся те, что с очевидностью выказывают пол своего «хозяина». С их помощью почти все «судьи», включая дилетантов, легко справляются с поставленной задачей.

18 участникам опыта показали образец письма 40-летнего мужчины, профессора одного из университетов, крупного и сильного человека (рис. 1). И все они довольно быстро нашли «правильный ответ». А Крепье-Жамен дополнил свой вердикт комментарием: «Несомненно, мужчина; 40 лет. Почерк ясный, твердый, простой, даже упрощенный, сдержанный, словом, мужской. Легкая дрожь в руке показывает, что ему, быть может, больше 40».

Monsieur Alfred Binet
Directeur du Laboratoire de psychologie
physiologique de la Sorbonne
9, rue du Départ
Seine et Oise. Meudon

Рис. 1. Взрослый мужчина свободной профессии, 40 лет. Пол правильно определен всеми участниками.

Точно так же образец письма 20-летней девушки, предъявленный 14 «судьям», показался им настолько типичным, что 13 из них, практически не колеблясь, «признали» в нем женскую руку. Правда, Крепье-Жамен заметил, что пол тут с трудом поддается определению. Тем не менее, он не просто распознал его, но и заключил, что девушке, вероятно, 25 лет. По его выражению, письмо каллиграфично, и особенно выдает в нем женщину устремленная ввысь буква «s». Примечательно, что именно эту букву (в слове «mademoiselle»), наряду с «B», счел решающим опознавательным знаком и Элуа.

Вторая группа почерков носит переходный характер. Она охватывает «неопределенные» случаи — сомнительные с точки зрения идентификации пола. Их Бине предпочитал называть «двуполыми» (гермафродитными). Такие почерки встречались несколько реже, чем «прозрачные». Сталкиваясь с ними, эксперты терялись в догадках, а «любители» оказывались в полной растерянности. Недаром мнения «судей» по их поводу расходились, и даже лучшие знатоки совершали иногда чудовищные ошибки.

Путаницу вносил сам характер этих образцов. С одной стороны, в них было очень мало ярких, выделяющихся признаков, свойственных какому-то из полов, а с другой — они в изобилии содержали противоречивые элементы, позволяющие толковать их двояким образом. Поэтому принятие окончательного решения часто превращалось в нечто, подобное жребию. Уставший от бесконечных колебаний «судья» чуть ли не наугад выбирал любой из возможных вариантов.

Рис. 2. Молодая девушка 20 лет. 13 из 14 «судей» правильно идентифицировали пол.

Mademoiselle Madeleine Binet
9 rue du Départ
Meudon
S. et Oise

Рис. 3. 18-летняя девушка. Из 12 человек лишь 6 правильно определили ее пол.

Именно таким был почерк 18-летней девушки, умной, серьезной и основательной (рис. 3). Он «расколол» голоса участников опыта ровно пополам (6 против 6). Крепье-Жамен уверенно «приписал» его 30-летнему мужчине, обратив внимание на «четкость, простоту, сдержанность и твердость мужских линий». Хотя при желании можно было бы обнаружить там и немало сугубо женских свойств.

Наконец, в последнюю категорию входили «инвертированные» почерки. Их было еще меньше, чем остальных, но при этом они попадались не так уж редко. Тут бросаются в глаза явные признаки, характерные для противоположного пола. Скажем, письмо мужчины напоминает женское и наоборот — в женском отчетливо просматривается мужская рука. Естественно, что в их отношении постоянно допускаются ошибки, причем большинством «судей». Разумеется, каким-то очень искусным и ловким экспертам удается порой выходить из положения, но и они тоже отнюдь не застрахованы от неудач.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на образец почерка 30-летней женщины (рис. 4). Она получила хорошее образование, активно занималась научными исследованиями и уже успела занять определенное положение в ученом мире. Очевидно, ей были присущи самостоятельность, напористость, целеустремленность и уверен-

Monsieur Alfred Binet
Directeur de l'Année Psychologique
9. rue du Départ
(France) Meudon (près Paris)

Рис. 4. Образованная женщина, с успехом занимается наукой, около 30 лет. 18 «судей» из 19 «сочли» ее мужчиной.

ность в себе. Эти качества, которые, конечно же, проявляются и в письме, обычно связываются с мужской натурой. А потому неудивительно, что оно ввело в заблуждение 18 «судей» из 19. Крепье-Жамен, определивший почерк как мужской, сослался в подтверждение своего вердикта на «простоту, сдержанность и четкость линий», добавив, что «некоторая подавленность говорит о не слишком юном возрасте». Ему вторил Элуа, который увидел мужскую руку в «оригинальности букв» и «тщательности признаков (скобок, энергичных подчеркиваний)»[6].

Понятно, что столь «дружное» массовое заблуждение не могло быть случайным. Нельзя объяснить его некомпетентностью участников опыта. И дело не только в том, что среди них находились профессиональные графологи, которые, правда, в этих случаях не особенно выделялись. Остальные «судьи» тоже в целом справлялись со своей задачей на хорошем уровне. Но как только речь заходила о последних двух категориях почерков, начинались серьезные сбои, и результаты становились, мягко говоря, нестабильными. Следовательно, можно было предположить, что дело не столько в «судьях», сколько в предмете, о котором они выносили суждения.

Но в чем именно? Почему пол одних людей без труда «читался» в почерке, то есть выражался в нем выпукло; у других он проявлялся «размыто» и сбивал с толку участников опыта; а третьи и вовсе демонстрировали признаки противоположного пола? Значит ли это,

[6] Binet A. Les revelations de l'ecriture d'apres un controle scientifique. P. 18.

что письмо подчас искажает половую идентичность человека до неузнаваемости, или же между ними просто не существует какой-либо устойчивой связи?

На эти вопросы Бине не давал никакого ответа. Точнее говоря, он их даже не ставил, ограничившись констатацией несомненного факта корреляции пола и почерка, а также неоднозначности и опосредованности их взаимоотношений. На этом свою миссию Бине посчитал исчерпанной. Между тем его выводы содержали лишь формулировку проблемы, которая еще ждала своего разрешения.

3. У почерка нет пола?

Трудности, связанные с определением пола пишущего, были известны графологам давно. И хотя до Бине мало кто задумывался об их экспериментальном изучении, многие давали им свою оценку. Ряд графологов, осознавая неоднозначность и ограниченность подобной операции, тем не менее, не отрицал саму возможность ее проведения. Однако подавляющее большинство воспринимало таящиеся в ней подводные камни как ясное указание на бессмысленность и ненужность поиска связи между полом и почерком.

Собственно говоря, в этом нет ничего странного. Такого подхода придерживался еще Ж.-И.Мишон, по праву считающийся отцом графологии. В 60-е годы XIX столетия он познакомился с одним из известных адептов оккультизма А.Дебарролем, который живо интересовался также почерком. Сойдясь поближе, они решили написать обобщающий труд, проливающий свет на человеческие качества, проявляющиеся в письме. И в 1872 г. тот, наконец, вышел в свет.

Однако сотрудничество Мишона и Дебарроля оказалось далеко не таким простым и плодотворным, как они, вероятно, рассчитывали. Между ними возникли существенные разногласия, в том числе по самым фундаментальным вопросам. Так, Дебарроль полагал, что в почерке обнаруживает себя некая гнездящаяся в человеке трансцендентальная сила, называемая им «электричеством». Хотя он и отказывался ставить изучение графических знаков в один ряд с гипнотизмом и магнетизмом. А Мишон стремился избавить почерк от оккультного налета и предпочитал видеть в нем особое место пересечения мысли и материального мира, души и тела. Поэтому он пытался всячески ограничить роль своего соавтора, который в итоге составил лишь предисловие к книге — правда, весьма обширное, если не

Рис. 5. Знаменитая мадам де Мэнтенон. Ее почерку свойственны энергичный нажим, угловатые соединения и незначительный наклон, которые характерны скорее для мужского письма.

сказать — гигантское. Что же касается основного текста, тот, несомненно, целиком принадлежит Мишону. И там предельно ясно излагается его позиция.

Мишон утверждает, что «графологическая система, проводящая различие между мужскими и женскими почерками, была бы совершенно неверной»[7]. В почерке пол выражаться не может, поскольку сама «человеческая душа бесполa»[8]. А значит, претензия на определение пола по образцам письма утрачивает всякий разумный смысл.

В качестве примера такой системы Мишон приводит учение немецкого философа и графолога А.Генце, который, рассматривая различные свойства людей, сравнивал между собой мужские и женские почерки и, основываясь на тенденциозно подобранных образцах, заключал, что эти почерки являют собой полную противоположность друг другу. Этот вывод, естественно, расценивался Мишоном как абсурдный, так как он не вытекал даже из логики рассуждения самого Генце. Однако, возражая своему немецкому коллеге, он приходил к не менее абсурдным заключениям.

«Легко показать, — запальчиво объявлял Мишон, — что нет ни одного признака, который мог бы указать на пол почерка»[9]. В доказательство приводились 10 образцов — по 5 мужских и женских, — подобранных таким образом, чтобы они либо не слишком отлича-

[7] Desbarrolles A., Michon J.-H. Les mysteres de l'ecriture: Art de juger les hommes sur leurs autographes. P.: Garnier, 1884. P. 11.
[8] Desbarrolles A., Michon J.-H. Les mysteres de l'ecriture. P. 16.
[9] Desbarrolles A., Michon J.-H. Les mysteres de l'ecriture. P. 13.

Рис. 6. Мужчина, председатель арбитражного суда. Нажим деликатный, соединения округлые, наклон выраженный; к тому удлиненные заключительные линии и вытянутые «застрочные» части букв.

лись друг от друга, либо больше напоминали «руку» противоположного пола (рис. 5 и 6). Отсюда выводилось вполне невинное заключение о том, что «в мужской оболочке может быть женская душа, а мужская — в женском теле»[10]. Оно отнюдь не исключает возможности правильной идентификации пола по почерку, хотя и создает почву для оправдания многочисленных ошибок. И если бы Мишон ограничился только им, его позиция осталась бы почти неуязвимой.

В самом деле, ведь такое происходит не сплошь и рядом, а лишь в относительно небольшом количестве случаев. И при всей их распространенности к ним следует относиться как отклонениям от общего правила. Графология не знала бы пола, только если определенные свойства письма с ним коррелировали не чаще, чем это подразумевается законом случая. В противном случае ситуации, в которых не удается идентифицировать пол по почерку, не просто не носят рокового характера, но и приобретают особый смысл, поскольку свидетельствуют о необычной структуре личности пишущего. Это значит, что графолог имеет дело с особыми типами — женщинами с мужскими чертами или мужчинами с женскими.

[10] Desbarrolles A., Michon J.-H. Les mysteres de l'ecriture. P. 23.

Рис. 7. Подписи актеров театра «Комели франсез» под письмом к Бомарше.

Видимо, понимая это и чувствуя недостаточность своих доводов, Мишон обращается и к другому примеру. Он предъявляет письмо, написанное в 1782 году и адресованное знаменитому драматургу Бомарше. Под ним стоят подписи актеров театра «Комеди франсез» (15

мужчин и 10 женщин). И Мишон подчеркивает, что легко спутать тут женские подписи с мужскими, а мужские — с женскими.

Но то, что почерки большинства этих актеров не вполне «соответствуют» их полу, ничего не доказывает. Такой состав личностей в труппе мог быть результатом простого стечения обстоятельств. А кроме того, хорошо известно, что в актерской и — шире — художественной среде наблюдается повышенная концентрация «переходных» типов. А стало быть, по ней нельзя судить о человеческой популяции в целом.

Разумеется, категоричность Мишона вовсе не значит, что он совсем не замечал половой «окрашенности» почерка. У него можно найти даже весьма характерное признание своеобразия женского письма. Правда, оно носит локальный и почти случайный характер. Единственное, что можно сказать с определенностью, утверждает Мишон, — это то, что, поскольку женщины — ввиду более тонкой организации — слабее и впечатлительнее, чем мужчины, без особого риска можно приписать им «почерк, где господствует признак чувствительности (наклон букв)»[11].

Эта тема получает развитие через несколько лет. В своей «Системе графологии», впервые изданной в 1875 г., Мишон относит к числу ее важнейших терминов «мужественность» и «женственность». При этом поясняется, что «женский почерк, ввиду большой чувственности, обычно складывается очень наклонно». Что же касается мужского, то в нем буквы стремятся «выпрямиться» (принять вертикальное положение). Именно в этом и состоит его главное своеобразие[12]. Однако почему из всех возможных характеристик была выбрана только одна, причем далеко не самая очевидная, — остается загадкой. А главное — опять, как и прежде, речь шла не столько о принадлежности пишущего к тому или иному полу, сколько о его «мужественности» и «женственности». То есть признаки почерка непосредственно связывались не с полом его «хозяина», а с чертами характера, которые — если даже и имели какую-то половую «нагруженность» — рассматривались сами по себе, безотносительно к тому, чем они могли быть обусловлены.

Таким образом, от простого эмпирического факта, что пол однозначным образом не выражается в почерке, Мишон перескакивает к

[11] Desbarrolles A., Michon J.-H. Les mysteres de l'ecriture. P. 30.
[12] Michon J.-H. Systeme de graphologie: L'art de connaitre les hommes d'apres leur ecriture. 6me ed. P.: Journal de la graphologie, 1880. P. 82.

жесткому, категорическому, но мало обоснованному выводу: у почерка нет пола. Однако и этого ему недостаточно. И он делает следующий шаг, объявляя о том, что пола не знает и сама душа.

Почему?

Мишона вынуждает к этому сама логика его мысли. Если пол входит в число качеств, придающих определенное своеобразие личности, и если она так или иначе находит отражение в почерке, то придется признать, что на письмо накладывают свой отпечаток и характеристики пола. А значит, утверждение о том, что у почерка нет пола, само по себе оказывается бессмысленным, ибо оно, объясняя ошибочные выводы графологов, по-прежнему остается необъясненным. Непонятно, почему душа, выражая себя в почерке, запечатлевает в нем одни свои свойства, а другие тщательно скрывает от посторонних глаз. Если же предположить, что она сама безразлична к полу, автоматически станет ясным, что и почерк как «зеркало души» не в состоянии улавливать половые различия.

Но тогда неизбежно встает еще один вопрос. Зачем вообще Мишону понадобилось доказывать это утверждение? Для чего ему разрывать связь между полом и почерком?

Ответ довольно прост. Мишон хорошо знал о трудностях идентификации пола по почерку и систематических ошибках экспертов. Они приобретали скандальные очертания и, по его мнению, дискредитировали графологию, урезали ее претензии на достоверность. Обычно применяемая в таких случаях тактика сваливания ответственности на отдельных малограмотных графологов тут не могла сработать. Неточные заключения о поле выдавались всеми и слишком часто, чтобы можно было как-то оправдать их субъективными факторами. Поэтому пришлось объявить, что сама постановка такого вопроса не вполне корректна.

Распознавать пол человека по его почерку невозможно, а потому тот, кто за это берется, обрекает себя на череду ошибок. Но графология тут ни при чем. Это проблема тех, кто, вопреки ее установлениям, претендует на большее, нежели вправе рассчитывать.

Естественно, напрашивается возражение: а что, только в отношении пола ошибаются графологи? Разве они не приходят к ложным заключениям об интеллектуальных возможностях или душевных качествах пишущего? Почему же эти случаи не вызывали у ревнителей графологической невинности столь же болезненную реакцию?

Дело в том, что личностные свойства индивида сами с трудом поддаются точному определению. И, если графолог констатирует, что человек скрытен или склонен к импульсивным действиям, его суждение можно оспорить, но вряд ли опровергнуть. Дискуссия о том, что такое скрытность и в чем на практике должна выражаться импульсивность, обычно затягивается надолго, и каждая из сторон способна привлечь множество доводов в пользу собственной точки зрения. Поэтому результаты графологического анализа в этом случае существенно завышаются. «Размытость» границ позволяет сомнения толковать в пользу эксперта. Так, тот же Крепье-Жамен в эксперименте Бине по части интеллекта умудрился представить более 91 процента правильных ответов[13]. То же самое относится и ко многим другим качествам, которые нельзя «пощупать» или «потрогать».

Что же касается пола, то он, казалось бы, однозначно определяется уже визуально, а следовательно, исключает какие бы то ни было фантазии и обсуждения. И, если мужской почерк идентифицируется как женский и наоборот, приходится констатировать, что допущена ошибка. А это уже неприкрытый скандал. Вот почему многие графологи сочли разумным вывести эту проблему за рамки самого учения, чтобы та не бросала на него тень, и тем самым как бы вымести скандал из своего «благородного семейства».

Конечно, такая позиция была пропитана лукавством. Она лишь выдавала желаемое за действительное и вместо того, чтобы искать решения, казуистически «замазывала» трудности, с которыми приходилось сталкиваться. Вот почему против Мишона и тех, кто следовал заложенной им традиции, резко выступил Крепье-Жамен.

Ни для кого не было секретом, что сплошь и рядом попадаются женские почерки, принадлежащие мужчинам, и мужские — женщинам. А потому никто не может гарантировать правильности своих выводов относительно пола писавшего. Но это вовсе не исключает возможности делать заключения с определенной долей вероятности и при этом достигать успеха в значительном числе случаев. Тем более, что душа отнюдь не «беспола»: «психология женщины совершенно иная, чем мужская»[14]. Нужно лишь опереться на «несомненные всеобщие признаки», содержащиеся в письме. Так, женский[15] почерк

[13] Binet A. Les revelations de l'ecriture d'apres un controle scientifique. P. 101.
[14] Crepieux-Jamin J. Die Graphologie und ihre praktische Anwendung. Berlin: Verlag von Paul List, 1888. S. 266.
[15] Crepieux-Jamin J. Die Graphologie und ihre praktische Anwendung. S. 264.

выглядит более легким и наклонным, а мужской — скорее твердым и прямым. Поскольку с этим фактически не спорил и Мишон, достойно удивления нежелание многих обременять себя идентификацией пола по образцам письма.

Но Крепье-Жамена не хотели слышать. Его слова звучали, как глас вопиющего в пустыне. Графологи предпочитали «диагностировать» не тело, а только душу.

Да и чем мог воздействовать Крепье-Жамен на своих оппонентов? Его доводы выглядели не слишком убедительными. Они носили чисто спекулятивный характер и практически не обращались к экспериментальному материалу.

Различие и даже противоположность мужской и женской души Крепье-Жамен обосновывал с помощью декларативной и путаной теории философа Г.Клеффлера о «предназначении» обоих полов. Тот полагал, что сердцевину интеллектуальной функции женщины составляет изящество, позволяющее ей добиваться гармонии без особых усилий. Если же говорить о ее моральной функции, то в ее основе лежит доброта. В свою очередь, интеллекту мужчины больше свойственна сила, способность продвигаться, сознательно расчищая себе путь. А его мораль держится на справедливости. «Совместная деятельность» этих четырех полюсов, которые являются «главными отличительными признаками» человеческого духа и тем самым охватывают все его естественные импульсы, задают общие рамки психологии[16].

Таким образом, мужчина должен быть сильным и справедливым, а женщина — доброй и изящной. По словам Крепье-Жамена, «это истина, которую инстинктивно схватывает каждый, и было бы трудно выразить ее более связно и ясно»[17]. И возможно ли, чтобы столь разные по внутренней (душевной) организации существа писали одинаково, применяя одни и те же способы исполнения графических знаков?

Эта аргументация, конечно же, вызывала лишь улыбку у приверженцев строго научного метода. Однако даже те, кто не предъявлял к теории слишком жестких требований, воспринимали ее как произвольную и надуманную. И дело не только в том, что она не подкреплялась почти никаким фактическим материалом. Гораздо более

---

[16] См.: Kleffler H. La vivisection, son utilite, sa morale. Genf, 1883.
[17] Crepieux-Jamin J. Die Graphologie und ihre praktische Anwendung. S. 266.

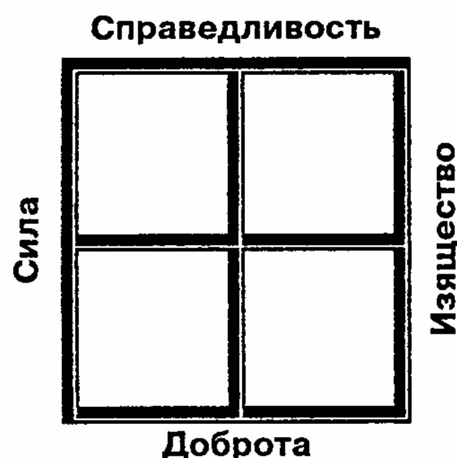

Рис. 8. «Четырехполюсный мир» Клеффлера.

странное впечатление производили возникавшие в ней «лакуны», которые нельзя было объяснить.

Если схематизировать доктрину Клеффера, ее можно представить в виде модели, где каждое из предложенных им двух измерений (интеллектуальное и моральное) имеет по два полюса: сила и изящество, с одной стороны, и доброта и справедливость — с другой. В результате получится «четырехполюсный мир», в котором мужчины и женщины как противоположные категории «жителей» занимают второй и четвертый квадранты (рис. 8). Но что делать тогда с остальными частями (первым и третьим квадрантами) этого мира? Соответствуют ли им какие-то обитатели: изящные и справедливые, с одной стороны, и сильные и добрые — с другой? Можно ли отождествить их с какими-то реальными людьми? Или они, будучи плодом досужего вымысла, существуют только в необузданном воображении?

Внятных ответов не было ни у Клеффлера, ни у Крепье-Жамена. Но без них эта конструкция рушилась, как карточный домик. И тезис о половой «окрашенности» души, принципиальном различии и даже противоположности психологии мужчины и женщины опять повисал в воздухе. Его могли прояснить, а тем более подкрепить лишь экспериментальные данные. Но ими-то как раз не располагали ни тот, ни другой.

4. Пол и душа

Между тем представления о полах и их специфике расширялись и углублялись. На рубеже XIX — XX веков произошла интенсификация экспериментальных исследований человеческих качеств в их пре-

шло именно личностное своеобразие обоих полов, а не их чисто внешние проявления. В результате психологи и физиологи собрали и осмыслили столько фактов о характеристиках личности, непосредственно обусловленных полом, что утверждение о «бесполости» души уже в первые десятилетия XX столетия многим представлялось абсолютной нелепостью, неприемлемой для мало-мальски образованного человека.

К числу первых попыток четкого и всеобъемлющего различения мужской и женской души принадлежит работа американского философа Ч.Леланда, завершенная им перед самой кончиной и изданная уже посмертно[18]. В ней с опорой на большой исторический и фактический материал показывалось, что, с одной стороны, личностные качества обоих полов во многих отношениях не просто не совпадают, но и диаметрально противоположны, а с другой — представители каждого из них в разных пропорциях обладают и теми качествами, которые, казалось бы, им не должны быть присущи. Иначе говоря, женщина, не переставая быть таковой, может проявлять сугубо мужские черты, равно как мужчина, оставаясь самим собой, нередко демонстрирует специфически женские свойства. Причем степень выраженности «чуждых» признаков широко варьирует — от полного слияния с «собственным» полом до максимального «присвоения» характеристик противоположного.

Более того, Леланд рассматривал личностные качества, сопряженные с полом, не изолированно, а в связи с физическими особенностями человека. Внимание обращалось на то, что в телесной организации каждого индивида обнаруживаются свойства обоих полов, хотя, конечно же, далеко не в одинаковой мере.

Например, у мужчин тоже имеются груди и соски. Невзирая на то, что, по логике вещей, они являются совершенно избыточными, не раз регистрировались случаи, когда из них текло молоко. Сам Леланд знавал некоего индейца, который после смерти жены выкармливал грудью младенца. Точно так же простата представляет собой рудиментарную матку. Недаром один из врачей остроумно заметил, что она предназначена для того, чтобы надоедать мужчине в старости.

---

[18] См.: Leland Ch.G. The alternate sex, or The female intellect in man, and masculine in woman. N. Y.: Funk and Wagnalls company, 1904.

Нечто подобное наблюдается и у женщин. У некоторых из них растут усы и даже борода. Это признак «мужественности», выражаемой также и в личностных качествах — сильной воле, неуемной энергии и т.д. Если такого рода проявления значительны, особа выглядит скорее как мужчина, а иногда и вовсе превращается в него. В связи с этим Леланд ссылается на довольно известный случай, когда некая молодая леди из Дублина поразила окружающих, чудесным образом став настоящим джентльменом.

Рудиментарные органы противоположного пола, существующие в каждом человеке, не выполняют непосредственных физиологических функций. Но именно благодаря им поддерживаются элементы альтернативного душевного склада. Леланд формулирует даже общий закон: «в точной пропорции к развитию мужских проявлений у женщин и женских у мужчин имеется соответствующая мужская или женская ментальность»[19]. Выражается это, в частности, в том, что мужчина-гермафродит неизбежно приобретает не только более округлые и нежные формы, но и женское выражение лица и игривый голос.

Правда, эти выводы играли у Леланда лишь вспомогательную роль. С их помощью он пытался решить свою главную задачу — объяснить присутствием в личности «альтернативного пола» ее подсознательную жизнь и творческий потенциал. Он полагал, что другое «Я» человека есть не что иное, как женская натура мужчины и мужская — женщины. Так, по его мнению, если бы не женская душа, таящаяся внутри мужчины, то вряд ли тот мог бы писать стихи или даже делать изобретения. Он оставался бы «простой машиной», или «почти животным»[20]. Но тут Леланд оказывается во власти чистых спекуляций. Он покидает почву экспериментальных физиологических данных и твердых исторических фактов. В его арсенале остаются лишь разрозненные и непроверенные наблюдения, которые легко повернуть в какую угодно сторону.

Какая связь между этим «фактом», даже если предположить, что он, действительно, имеет место, и «вытекающим» из него тезисом — остается загадкой. Ясно одно: с его помощью ничего не доказывается, а всего лишь выдается желаемое за действительное. А потому основную задачу Леланда можно считать проваленной.

[19] Leland Ch.G. The alternate sex. P. 35.
[20] Leland Ch.G. The alternate sex. P. 39.

Тем не менее, как это нередко случается, промежуточные результаты стали гораздо важнее конечных. Они убедительно продемонстрировали, что женская душа существенно отличается от мужской и они фактически представляют собой два полюса человеческой натуры. Это во-первых. Во-вторых, конкретные (отдельно взятые) мужчины и женщины в очень разной мере соответствуют «модели» своего пола, а проще говоря, они являются «самими собой» далеко не в одинаковой степени, хотя, казалось бы, разделение на пол не предполагает количественной градации. И, наконец, в-третьих, существует довольно строгая корреляция телесных признаков пола, их обилия и выраженности как с личностью индивида, так и с ее внешними проявлениями. Причем, просматривая эту связь, можно двигаться в обоих направлениях: от телесной организации к чертам характера и поведению и обратно — от наблюдаемых свойств личности к особенностям тела, в которое она «помещена». Это, в свою очередь, позволяет, исходя из физической природы человека, судить о его склонностях, больше присущих противоположному полу, точно так же, как по соответствующим личностным качествам строить отнюдь не беспочвенные догадки о телесном устройстве индивида.

Так существуют ли принципиальные отличия женской души (склада личности) от мужской? Если да, то каковы наиболее существенные из них? И что знала об этом экспериментальная наука в начале XX века?

Уже древние заметили, что женщина непостоянна и переменчива (varium et mutabile semper femina). Но зато она выказывает превосходство над мужчиной в остроте восприятия. Так, ей достаточно одного «периферийного» (вскользь брошенного) взгляда, чтобы запечатлеть, а затем воспроизвести наряд другой женщины.

Удивительно, но женщины быстрее запоминают бессмысленные слоги. Прямого отношения к этому память не имеет. Неслучайно они, если уж ею зафиксированы, одинаково удерживаются у мужчин и женщин[21]. Не связано это и с особенностями ассоциирования — разницы между полами в нем не обнаружено. Дело именно в цепкости визуального схватывания, быстром «усвоении» зрительного образа. Ведь если те же слоги воспринимаются на слух, преимущество женщин в их запоминании не регистрируется.

---

[21] См.: Thompson H. B. The mental traits of sex: An experimental investigation of the normal mind in men and women. Chicago: Chicago university press, 1903. P. 99.

У женщин в целом ниже порог чувствительности. Это относится, например, к восприятию точек на коже, прикосновениям, вкусу, цвету, боли и т.д. Правда, мужчины превосходят их по восприимчивости к свету.

Женщина лучше различает тона и цвета. Зато мужчина точнее распознает поднимаемые тяжести, оттенки серого цвета. Что же касается температуры, запахов и пассивного давления, то в их восприятии между мужчинами и женщинами не выявлено особой разницы.

Сильнее всего притягивает внимание женщины зрительное поле. «Картинки» доставляют ей максимальное удовольствие, равно как и причиняют наиболее острую боль. Превосходит она мужчину и по чувству цвета.

У женщин чаще встречается так называемая синестезия (совмещение каналов поступления информации). Это было замечено еще Ф.Гальтоном и впоследствии многократно подтверждалось экспериментами. Например, случаев, когда числа сопрягают с определенными формами, набиралось гораздо больше у женщин — иногда до двух раз[22]. Точно так же женщинам более свойственно ассоциировать цвет со звуком, словом или буквой[23]. По материалам некоторых экспериментов, эта способность присуща половине всех женщин.

Во многих случаях женщина ведет себя более тактично, но при этом она менее склонна к размышлениям и обдумыванию своих поступков. Обладая повышенной чувствительностью, женская душа более ранима. Ее легче задеть оскорбительными словами и даже молчаливым пренебрежением. Мужчина более открыт, а женщина чаще смущается.

В целом женщины скорее «оборонительны» по своей жизненной позиции и почти всегда готовы встать в «защитную стойку». Характер у них более мстительный, чем у мужчин. Они почти никогда не испытывают подлинного раскаяния. Разумеется, и к женщине наведываются горькие сожаления о содеянном, особенно когда впереди маячит наказание. Но вряд ли она станет испытывать угрызения совести по поводу первоначального импульса, подтолкнувшего ее к действию.

---

[22] См.: Galton F. Inquiries into human faculty and its development. L.: Dent, 1883; Chalmers L.H. Studies in imagination // Pedagogical seminary. 1899. Vol. 7. N 1. P. 111–123.
[23] См.: Krohn W.O. Pseudo-chromaesthesia, or the association of colors with words, letters, and sounds // American journal of psychology. 1892. Vol. 5. N 1. P. 20. P. 20–41.

Что касается интимных тем, то женщину они притягивают сильнее, чем мужчин. Зато ее меньше заботят проблемы более общего (социального и политического) характера. Она быстрее ассоциирует и, возможно, оттого заметнее подвержена минутным порывам и чаще руководствуется своим первым впечатлением — независимо от того, является ли оно положительным или отрицательным. Религиозное чувство развито у женщин сильнее, чем у мужчин, и они легче подчиняются внешним стандартам и предписаниям.

Женская душа сильнее увлекается. Она более мечтательна. Недаром женщины грезят, то есть видят сны наяву, значительно чаще мужчин. Им более свойственна вера в сверхъестественное, предчувствия и знамения[24]. Оттого они легче оказываются в плену слухов и сплетен. Отсюда родом и их болтливость, ставшая уже притчей во языцех.

Женская любовь к потомству, безусловно, глубже и сильнее мужской. То же самое верно и для семейных отношений. Она может стать более опасным и коварным врагом, чем мужчина. Но ее привязанность также крепче и надежнее.

Память женщины лучше удерживает зрительные образы (в частности, лица и места), правда, лишь когда они представляют для нее какой-то интерес. В противном случае она быстро выбрасывает их из головы. То есть женщине для запоминания нужна большая мотивация, чем мужчине.

Дж.Ястроу поставил в университете американского штата Висконсин простой опыт. Испытуемым поочередно — одно за другим — демонстрировались слова. Через два дня им предлагалось восстановить список по памяти. Выяснилось, что женщинам это удается лучше, чем мужчинам[25]. Впоследствии опыт многократно повторялся другими исследователями с иными испытуемыми. Но результат оставался неизменным.

В Колумбийском университете (США) проводился «бимодальный» тест. Испытуемым предъявляли ряды чисел — зрительно и на слух, — а затем их просили воспроизвести эти ряды. Оказалось, что женщины лучше запоминают то, что видели, а мужчины — то, что слышали. Там же проводился и «комбинированный» опыт, который

---

[24] См.: Sumner F. B. A statistical study of belief // Psychological review. 1898. Vol. 5. N 5. P. 616–631.

[25] См.: Jastrow J. A statistical study of memory and association // Educational review. 1891. Vol. 2. N 3. P. 442–452.

почему-то был квалифицирован как логический. Испытуемые вслух читали какой-то отрывок, после чего пересказывали его, стараясь быть поближе к оригиналу. Примечательно, что в этом случае, соединявшем зрительные элементы со слуховыми, не обнаружилось никаких заметных различий между мужчинами и женщинами[26].

Давно известно, что, если обратиться, например, к пожилой паре, вместе прожившей долгие годы, скорее всего окажется, что жена чаще вспоминает «картинки» прошлого, чем муж. Но при этом ее представления чаще и существеннее искажают реальность, тогда как впечатления мужа, будучи более бледными (бедными по содержанию), точнее описывают происходившие в прошлом события.

Это наблюдение получило подтверждение в одном из экспериментов. Он показал, что память женщины изобилует деталями и в этом смысле полнее мужской. Однако часто они ткутся из воображаемых элементов[27]. По-видимому, женщина более склонна к завершенности, насыщенности мысленных «картинок». А поскольку материала, полученного от прошлого, почти всегда недостает, ей приходится додумывать, «исправляя» недостатки памяти.

Женщине лучше удается показывать заинтересованность в разговоре, когда обсуждаются вещи, которые ее совершенно не волнуют. Одни считают это притворством, но другие, напротив, ценят как искусство. Во всяком случае многим мужчинам нравится, когда за их речью следят с открытым ртом.

Изобретательность — не самый большой козырь женщины. Хотя она иногда добивается результата, если к нему целенаправленно стремится. Хорошо известна и ее более выраженная склонность к забавам и развлечениям. Но в литературе почти не встречаются женщины — авторы значительных юмористических или сатирических произведений. Тем не менее, они вполне способны на остроумные и находчивые реплики, особенно когда могут не опасаться достойного отпора. Такая реакция заменяет им то, чем является для мужчин разумная и основательная аргументация.

Казалось бы, на этом фоне стало совершенно невозможным отрицать несводимое своеобразие мужской и женской души, половую идентичность личности человека. Однако представление о «беспо-

---

[26] См.: Wissler C. The correlation of mental and physical tests // Psychological review. 1901. Vol. 3. № 6. Monograph supplement 16. P. 2–62.
[27] См.: Stern L.W. Zur Psychologie der Aussage: Experimentelle Untersuchungen uber Erinnerungstreue. Berlin: J. Guttentag, 1902. S. 21.

лости» души оставалось довольно распространенным, в том числе и среди профессиональных психологов. Правда, оно уже не приобретало такой категорической и всеобъемлющей формы, как в XIX веке. Но, тем не менее, сам его лейтмотив сохранился почти нетронутым.

Так, французский исследователь Ж.Фино дал одной из глав своей книги «Проблемы полов» такое название: «Творческий гений и ум не имеют пола». В действительности, конечно, задача Фино была гораздо скромнее. Он хотел всего лишь доказать, что нельзя говорить об абсолютном превосходстве мужчины, его исключительной роли в истории человечества. По его мнению, женщина имеет самостоятельную ценность, не уступающую мужской.

Касаясь творческих возможностей обоих полов, Фино замечает: «Потенциально женщина — ровня мужчине. Ей нет резона имитировать его, так как она тоже обладает даром оригинальности, даром изобретения и открытия. Вступив снова в общественную жизнь, она не будет всюду следовать за мужчиной. Она будет достаточно искусна, чтобы найти способы обогнать его. Она пойдет даже так далеко, что откроет новые пути спасения»[28]. Если отвлечься от налета восторженности и романтической шелухи, с этими словами мало кто станет спорить. Но отсюда совсем не вытекает, что творческий гений женщины ничем не отличается от мужского.

Даже если предположить, что женщина преуспеет в своих свершениях и отыщет новые ключи к тайнам жизни, она сделает это посвоему, не так, как мужчина. Она не будет ни догонять, ни обгонять его, а просто пойдет особым путем. Ибо она есть особая личность, антипод мужского духа. Конечно, вместо того чтобы разобраться в хитросплетениях взаимоотношений двух противоположностей, гораздо проще выбросить саму проблему, объявив личность единой, а противоположность — несуществующей. Но вряд ли так можно прийти к постижению человеческой природы.

5. Новые доказательства

Накопление большого массива данных о личностной определенности полов и формирование тенденции их «ментального» разграничения не могли не вызвать новую волну интереса к формам выражения половых особенностей индивидов в письме. Эксперимент Би-

[28] Finot J. Problems of the sexes. NY; L.: G.P.Putnam's sons, 1913. P. 121.

не не просто опять стал привлекать внимание; его повторения вошли в моду. Американский психолог Дж.Доуни передала 200 надписанных конвертов (по 100 — мужчинами и женщинами) группе «судей», не являющихся экспертами в графологии, с тем чтобы они установили пол писавших. Доля «правильных» решений составила 66,1 процента (в диапазоне от 60 до 75,5 процента)[29]. Она полностью соответствовала результату Бине и убедительно свидетельствовала о половой «нагруженности» почерка.

Несколько позже канадский исследователь П.Сэндифорд еще раз обратился к этому эксперименту. Он предложил 10 «судьям» (5 мужчинам и 5 женщинам) идентифицировать пол «хозяев» 267 образцов почерка, взятых у студентов университета Торонто. Результат оказался чуть хуже, чем у Доуни — в среднем 62,9 процента (от 59,2 до 65,4), но тоже вполне укладывался в общую тенденцию. Примечательно, что вновь подтвердилось одно из наблюдений Бине: «судьи»-женщины лучше справлялись со своей задачей, чем мужчины.

Однако Сэндифорд, в отличие от своих предшественников, не ограничился констатацией связи между почерком и половой идентичностью индивида. Он пожелал также выделить признаки, составляющие «типично» мужские и женские почерки — во всяком случае в том виде, как они воспринимаются обычными людьми. Для этого из всей совокупности образцов были отобраны те, что позволяли «судьям» наиболее часто выносить правильные суждения, а затем сопоставлены с другим полюсом — образцами, которые в наибольшей степени сбивали их с толку. Таким способом удалось сформулировать основные критерии, лежавшие в основе интуитивных заключений о поле писавших:

1) мужчинам в большей мере присуща оригинальность, чем женщинам, которые проявляют склонность к повторению усвоенных «канонов»;

2) мужской почерк более вариабелен, чем женский, не только в смысле разнообразия, но и в плане изменчивости внутри отдельных фрагментов;

3) письмо мужчины носит более твердый, небрежный и беглый характер, ярче выражая индивидуальность своего «хозяина», тогда как в женском письме она воплощается не столь выпукло.

---

[29] См.: Downey J. Judgment on the sex of handwriting // Psychological review. 1910. Vol. 17. N 2. P. 205–216.

Но все эти результаты относились к почеркам взрослых людей. Поэтому нередко различия в них объясняли усвоенными ими социальными стереотипами. Это означало, что роль детерминирующего фактора играет не пол сам по себе, как нечто имманентное (внутренне присущее) индивиду, а его культурная проекция, то, что «прилипает» к нему в процессе формирования личности.

На таком фоне, естественно, повышенное значение приобретало исследование возможности распознавать пол по детскому почерку. И оно не заставило себя долго ждать. Уже в начале XX века появились данные о том, что письмо детей обладает своеобразием, обусловленным полом. Так, в одном из экспериментов, охватывавшем 1260 образцов, взятых у учеников 1–9 классов публичных школ Ворсестера (Массачусетс, США), было зафиксировано, что, хотя в целом признаки пола в них поддаются выявлению, у детей до 10 лет они практически не заметны[30]. Однако, как выяснилось позже, этот вывод являлся чрезмерно осторожным и слишком расплывчатым.

Почти полтора десятилетия спустя были получены новые, более точные и детализированные результаты, показывающие, что половые особенности почерка возникают в ходе его становления и вполне распознаются у любого ребенка, чье письмо успело приобрести хотя бы некоторую устойчивость. В эксперименте, проведенном в университете Торонто (Канада), «участвовало» 7 групп образцов. В каждую из них входили по 50 «фрагментов», принадлежавших мальчикам и девочкам. Они были отобраны в случайном порядке из огромного количества, полученного от публичных школ провинции Онтарио. «Хозяевами» почерков, попавших в первую группу, были дети от 7 лет 10 месяцев до 8 лет 2 месяцев; во вторую группу — от 8 лет 10 месяцев до 9 лет 2 месяцев и т.д. Тем самым выстраивался ряд, в котором каждая ступень сосредоточивалась вокруг полного года (плюс — минус два месяца), а сам он охватывал 7-летний диапазон (от 8 до 15 лет).

Собранные «фрагменты» были переданы 10 «судьям» для идентификации пола писавших. Когда они закончили свою работу, оказалось, что доля правильных ответов существенно превышает «порог случайности»: от 58,3 процента для 8-летних детей до 66,4 для 13-летних. При этом в целом почерк девочек поддавался идентифи-

---

[30] См.: Gesell A.I. Accuracy in handwriting related to school intelligence and sex // American journal of psychology. 1906. Vol. 17.

кации легче. И чем старше были дети, тем — с небольшими исключениями — лучше удавалось распознать их пол.

Но самое любопытное началось потом. Один из «судей» показал «рекордный» результат. Его выводы были верными в 86,8 процента случаев (88,1 в отношении девочек и 84,4 — мальчиков). Неудивительно, что его попросили сформулировать критерии, на которые он опирался, вынося свои суждения.

Описание, представленное этим участником эксперимента, выглядело примерно так:

1. Почерк мальчиков характеризуется неровностью строки. Наклон у них тоже неодинаков. Нередко он «выпрямляется» и даже уходит влево к концу слова. Это особенно заметно в петлях букв, возвышающихся над строкой (h или k). Черты отрывисты, а движения толчкообразны. Заметны вариации и в размерах букв. Что же касается девочек, то им свойственны противоположные признаки. Они стремятся выравнивать строки. Выдерживается у них и наклон. Изменения в нем встречаются редко, как и рывки в левую сторону.

2. Письмо у мальчиков выглядит небрежным и беглым, даже когда почерк хорош. И наоборот — у девочек и плохой почерк оставляет впечатление старательно выполненного письма. Возможно, это связано с тем, что мальчики меньше заботятся о соблюдении стандартов правописания и отклоняются от «канонических» форм. Отсюда и ощущение большей оригинальности их письма;

3. Общеизвестно, что мальчики импульсивнее девочек в своем поведении. Но это проявляется и в почерке. У них гораздо чаще попадаются мелкие ошибки, которые затем исправляются. Девочки же не просто допускают их меньше. Если те и случаются, то располагаются более равномерно и не так бросаются в глаза.

Исходя из этих признаков, экспериментатор самостоятельно идентифицировал пол по еще тысяче образцов и практически повторил достижение «рекордсмена» (от 80 до 85 процентов точных «попаданий»). Более того, он предложил троим наименее успешным «судьям» снова выполнить задание — естественно, на других образцах и вооружившись отлично зарекомендовавшими себя критериями. Это позволило каждому из них значительно улучшить свои первоначальные показатели — в среднем на 10,3 процента (от 9 до 11,7)[31].

---

[31] Hamilton D. E. The psychology and pedagogy of handwriting. Toronto: Toronto university press, 1920. P. 65.

Таким образом, стало ясно, что даже дети, едва научившись писать, начинают выражать в почерке особенности своего пола. С возрастом половая идентичность почерка усиливается, но не за счет вновь приобретаемых социально-культурных «маркеров», а просто благодаря кристаллизации почерка и закрепления автоматизмов письма. А поскольку опыт был поставлен на образцах, взятых у детей, обучавшихся по единому стандарту, можно утверждать, что даже единообразие требований и строгая приверженность «канонам» правописания не в состоянии «стереть» с почерка знаки половой принадлежности его «хозяина».

6. Фрагмент автопортрета

Доуни обратила внимание и на другой факт. Графологические «портреты» часто носят не просто туманный характер. Они расплываются тем сильнее, чем ближе подходят к тонким свойствам души, в том числе связанным с полом человека. Собственно говоря, это было известно и Бине. Тот же Крепье-Жамен, достигавший в его экспериментах почти абсолютного результата при определении интеллекта, сразу же сдавал позиции, как только переходил к более сложным и менее однозначным качествам. Так, при вынесении суждений о характере человека мера успеха не превышала 73 процентов, то есть она была даже ниже, чем при идентификации пола. Поэтому Доуни решила сопоставить графологические портреты с описанием характеров, полученных на основе изучения иных выразительных движений.

Осуществление такого замысла облегчалось тем, что к тому времени получила развернутую проработку и обоснование идея о единстве разнообразных внешних проявлений души. Наиболее ярким ее адептом был немецкий мыслитель Л.Клагес, который полагал, что почерк, подобно другим выразительным движением — мимике, жестам и т.д., — несет на себе отпечаток личности человека. Строго говоря, он является лишь фрагментом автопортрета души, который она рисует посредством этих движений. А поскольку логично предположить, что полученная картина носит целостный и самосогласованный характер, ее отдельные фрагменты не должны вступать в значительные противоречия друг с другом. В противном случае придется констатировать, что при «расшифровке» портрета были допущены серьезные ошибки.

Учение Клагеса опиралось, главным образом, на два источника. С одной стороны, он следовал романтической традиции К.Каруса, немецкого профессора сравнительной анатомии и морфологии, который настаивал на неразрывном единстве души и тела и утверждал, что они представляют собой лишь способы проявления единой органической формы. Тесная взаимосвязь между ними разъяснялась на примере горба, которому сопутствуют и другие неприятности — врожденные опухоли, злополучные привычки, телесные повреждения и болезни. Он приводит к деформации груди, стесняет дыхание, нарушает сердцебиение и, наконец, искажает сам образ людей с подобным недостатком. Это вызывает в них горечь или по крайней мере гипертрофирует чувство юмора, позволяя уберечься от возможных нападок. Остается лишь констатировать непреложный «факт: точно так же, как это частное и локальное увечье придает всему телу несомненное особое смещение и перестраивает его внешний облик, и духовная жизнь этих лиц приобретает абсолютно своеобразный оттенок». Тем самым предоставляется убедительное свидетельство того, сколь «необычная связь может существовать между строением спины и душевным складом»[32]. Противопоставление друг другу человеческого тела и живущего в нем «Я» обусловлено присущими им различиями, которые, хотя и доходят иногда до противоположности, тем не менее, имеют единую основу и потому глубоко родственны между собой.

С другой стороны, Клагес придерживался убеждения физиономистов, видевших во внешних проявлениях человека — и прежде всего в его выразительных движениях — отражение его замыслов и бессознательных побуждений. «Движение, — говорил Й.Лафатер, — подобно движущей силе»[33]. Именно она составляет ту «начинку», которая воплощается в телесности человека и его действиях.

Совместив эти две линии, Клагес пришел к выводу, что личность индивида, будучи целостной, выказывает себя в различных телесных проявлениях единообразно. Мимика, жесты, походка, почерк и другие модусы поведения обязательно содержат некоторое устойчивое ядро, которое можно «извлечь» из них путем наблюдения и анализа. И, естественно, между ними должна существовать не просто

[32] Carus C.G. Symbolik der menschlichen Gestalt. Leipzig: F.A.Brockhaus, 1853. S. 274.
[33] См.: Lavater J.C. Physiognomische Fragmente: Zur Beforderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe. 4. Versuch. Leipzig: Weidemann und Reich, 1778. S. 39.

корреляция, а явная аналогия, позволяющая получить практически один и тот же «портрет» личности независимо от того, из какого именно материала он «выткан».

По словам Клагеса, «выражение есть подобие действия», причем само подобие надо понимать как «представление аналогии в образе»[34]. Однако действие есть не что иное, как исполнение замысла. Поэтому произвольное движение фактически моделирует представление, которое, в свою очередь, служит наглядным образом будущего результата. В почерке эти «застывшие» побуждения усматриваются им, например, в заключительных штрихах или «тяжеловесных» нижних частях графических знаков[35].

Правда, Клагес трактовал взаимоотношения души и тела несколько однобоко. Рассматривая тело как поле самовыражения души, он не очень задумывался о возможных обратных каналах влияния. Личность у него фактически превращалась в самостоятельную сущность, помещенную в телесную оболочку, но почти не зависящую от нее — по крайней мере в своих основных проявлениях.

Будучи химиком по образованию и поэтом по призванию, Клагес слегка недолюбливал физиологию и, по существу, отказывал ей в праве на веское слово о душе. Уже на склоне лет в письме к своему бывшему ученику Р.Пофалю, который как раз-таки был увлечен физиологическим обоснованием графологии, он ворчливо заметил: «Мое убеждение в ненужности физиологического опосредования в учении о выражении подкрепляется тем, что по крайней мере ни один физиолог не заявил о соединении обеих областей. По сей день не существует никакой «физиологической» графологии»[36].

Видимо, Клагес интуитивно чувствовал, что физиология способна не только существенно ограничить произвол человека в планировании движений, но и поставить саму его волю в определенную зависимость от тела, высветить нити, привязывающие к нему душу. Было опасение, что тогда тело превратится для нее в оковы и — вместо поля свободного творчества — окажется темницей, из которой она не сможет вырваться. А поскольку физиология в то время еще не была

---

[34] Klages L. Grundlage der Wissenschaft vom Ausdruck. 8. Aufl. Bonn: Bouvier, 1964. S. 179–180.
[35] Klages L. Grundlage der Wissenschaft vom Ausdruck. S. 271.
[36] См.: Frauchiger E. Die Handschrift als Gehirnschrift? // Zeitschrift fur Menschenkunde. 1968. Jg. 32. H. 3. S. 367.

в состоянии в полной мере подкрепить свои претензии фактическим материалом, игнорировать ее почти ничего не стоило.

Однако, несмотря на дисбаланс в оценках и чрезмерную свободу, предоставленную личности, учение Клагеса стало основой целостного рассмотрения проявлений человека, единого представления всего многообразия их форм. Оно позволило взглянуть на почерк как лишь на один из возможных способов «овнешнения» внутреннего «Я», существующий не изолированно от других, а составляющий вместе с ними комплекс выразительных движений, с разных сторон, но единообразно характеризующих личность. Именно на этой почве и могла возникнуть идея сравнительного изучения различных выразительных движений и их «перепроверки» друг другом.

Руководствуясь подобными соображениями, Доуни провела несложный эксперимент. Она предложила своим студентам охарактеризовать походку, осанку и жестикуляцию «моделей» (людей, подлежащих описанию), отталкиваясь от 12 пар тщательно подобранных прилагательных. В их число входили, например, такие противоположности, как «быстрый — медленный», «легкий — тяжелый», «небрежный — собранный», «экспансивный — сдержанный», «ловкий — неуклюжий», «плавный — отрывистый», «угловатый — округлый», «стандартный — индивидуальный», «импульсивный — рассудительный», «концентрический — эксцентрический». Суждения выносили шесть человек, пятеро из которых занимались экспериментальным изучением выразительных движений, то есть имели определенную специальную подготовку и в общем-то владели материалом. Кроме них Доуни привлекла к этой работе шестерых своих коллег, включая режиссера, занимавшегося постановкой спектаклей.

Все участники эксперимента сообщали о больших затруднениях, с которыми сталкивались. И это несмотря на то, что они могли наблюдать за своими «моделями» по нескольку недель. Особо выделялась пара «концентрический — эксцентрический». Первое определение относилось к движениям, направленным к собственному телу как центру («центростремительным»), а второе, наоборот, — от него («центробежным»). Скажем, «поворот» локтей вовнутрь можно было бы назвать «концентрическим»; если же они устремлялись наружу, тут больше подходило слово «эксцентрический».

В некоторых случаях (по отдельным свойствам ряда «моделей») «судьям» попросту не удалось сформировать собственного мнения.

Поэтому не все их ответы можно было соотносить друг с другом. Так, лишь семеро участников дали описание одной из «моделей», поскольку остальным так и не довелось с ней познакомиться.

Наряду с этим, Доуни по той же схеме составила графологические портреты «моделей». Естественно, они не доводились до сведения «судей» и ждали своего часа, когда могли быть сопоставлены с их заключениями. Предполагалось, что согласованность оценок является свидетельством как единства различных проявлений личности, так и способности людей «постигать» ее по внешним признакам.

Грубым, но приемлемым критерием согласия между двумя категориями портретов (графологических и «экспрессивных») считалась мера совпадения входящих в них характеристик. Оказалось, что она превышает 60 процентов, то есть заметно выше «порога случайности». Следовательно, письмо не просто несет на себе печать внутреннего мира человека, но и коррелирует с другими его выразительными движениями.

Однако еще больший интерес представляет погружение в некоторые детали эксперимента. Например, среди моделей попадались индивиды, чье «описание» не доставляло «судьям» никаких хлопот. Оно давалось с легкостью и было весьма близким у разных участников. Но встречались и «модели», чьи движения с трудом поддавались идентификации. Причем, хотя и случались исключения, в том числе и весьма существенные, в целом лучше соответствовали графологическим портретам те суждения о выразительных движениях, которые в большей мере совпадали друг с другом. Иными словами, чем более «компактными» и самосогласованными являлись эти суждения, тем точнее они соответствовали графологическим портретам.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что согласие между этими двумя рядами характеристик более отчетливым выглядело у мужчин. Доуни предположила, что его объяснением может быть «более высокая степень привычности как выразительных движений, так и почерка женщин»[37]. Никакими конкретными свидетельствами этот тезис не подкреплялся. Однако, похоже, в нем была схвачена, хотя и в весьма расплывчатой форме, мысль о большем «разбросе» (ампли-

---

[37] См.: Downey J.E. Graphology and the psychology of handwriting. Baltimore: Warvick, 1919. P. 101.

туде) личности женщины. По-видимому, диапазон проявлений женской натуры шире сам по себе. А кроме того, она гораздо дальше «забредает» на мужскую территорию, нежели мужская — на женскую.

Но, к сожалению, такого рода исследования были единичными, и они не задавали тона в общем хоре психологов и графологов. Большинство их либо вовсе обходило каверзные вопросы, связанные с корреляцией между полом и почерком, либо довольствовалось общими фразами, которые не столько проливали свет на эту проблему, сколько запутывали ее понимание.

Вместо заключения: заговор молчания

Чтобы изжить тенденцию «обесполивания» личности, понадобился почти весь XX век. И только в его последней четверти сложилось ясное понимание душевных проявлений индивида как принципиально обусловленных полом. Ни его чувства и эмоции, ни характер, ни интеллект и разум, ни поведение, ни умения и навыки нельзя отрывать от половой определенности. В жизнедеятельности человека нет почти ничего, к чему пол оставался бы совершенно равнодушным.

Однако до того — в течение почти всего XX века — графология не проявила особого интереса к полу. Крепье-Жамен жаловался на это еще в конце предыдущего столетия. Но с течением времени ситуация только усугублялась. Все большее число графологов склонялось к тому, чтобы не рассматривать пол как свойство человека, отчетливо выражаемое в почерке. И это стало в конце концов господствующей, если не сказать — абсолютной, тенденцией.

В графологических трудах сложилась традиция обходить проблему соотношения пола и почерка молчанием. Их авторы чаще всего ограничивались парой ничего не значащих фраз о ее неоднозначности и запутанности и невозможности установления точных соответствий. Иногда к ним добавлялось несколько образцов письма, призванных подтвердить подобные сентенции. Причем иллюстрации носили обычно столь дежурный характер, что не всегда можно было понять, какое отношение они имеют к высказываемым тезисам, и даже случалось, что прямо противоречили им.

Так, в обстоятельном учебнике графологии Л.Мейер (фон Альбертини), вышедшем в свет на рубеже XIX — XX веков, полу уделено не более полстраницы. По обыкновению ссылаясь на образцы муж-

Рис. 9. Непривычно толстый, крупный и твердый почерк принадлежащий даме.

Рис. 10. Почерк, принадлежащий мужчине. Почему необычен - не разъясняется.

ских почерков, похожих на женские, и женских, напоминающих мужские, автор воспроизводит устоявшуюся формулу: «Хотя в целом мужские и женские почерки различаются по производимому ими общему впечатлению, есть много мужчин с нежными дамскими ручками и мощных дам с поистине геркулесовым почерком»[38]. Однако странность заключается в том, что приводимые ею образцы не только не убеждают в справедливости этих слов, но, напротив, ставят их под большое сомнение.

Так, женский почерк с «необычно толстыми, крупными и твердыми» линиями призван был убедить в том, что не только мужчины проявляют в письме «мужественность» (рис. 9). Однако даже при желании трудно усмотреть в нем характерные для мужского почерка чер-

[38] Meier L. Lehrbuch der Graphologie. 2. Aufl. Stuttgart: Deutsche Verlagsgesellschaft, 1990. S. 23.

ты. Он ровный, однообразный, со стабильным наклоном. Соединения между знаками скорее округлые, ничего из него явно не «выбивается», а слова выглядят исключительно связными. Что же касается сильного нажима и величины букв, то они непосредственного отношения к полу не имеют и не могут считаться его «определителями».

Столь же не «показателен» и другой образец, предъявляемый Майер (рис. 10). Это мужской почерк, который должен, по ее замыслу, сойти за женский. Правда, она не поясняет, какие именно признаки об этом свидетельствуют. Тем не менее, по контрасту с предыдущим можно предположить, что речь идет о слабом нажиме, мелких буквах и некотором отсутствии твердости в руке. Но эти свойства никоим образом не подтверждают принадлежность пишущего к мужскому полу. Да и по поводу самих признаков хочется поспорить.

Нажим тут, если учитывать размер графических знаков, не так уж слаб. При этом больше удивляет не сама их величина, а соотношение прописных и строчных букв. Первые из них не меньше, если не больше, чем в предыдущем образце, тогда как вторые уступают своим «конкурентам» в 2–3 раза. Это, конечно же, ничего не говорит о поле, но характеризует человека как знающего, чего он хочет, и расчетливого, старающегося не «вытыкаться» без нужды и идти к цели, обходя барьеры и избегая прямых столкновений. То есть рука выказывает не столько безволие, сколько осторожность и предусмотрительность. Что же касается признаков, обусловленных полом, то они-то (угловатые соединения, легкий варьирующий наклон, частое «обособление» первой прописной буквы в слове и др.) как раз прозрачно намекают на «мужественность» пишущего.

Разбор этих конкретных примеров недвусмысленно показывает, что даже у многих профессиональных графологов не было отчетливого представления о специфических свойствах письма, коррелирующих с полом. А потому они в своих суждениях руководствовались скорее общим впечатлением, нежели формальными критериями. Это служило дополнительной причиной допускаемых ошибок и подталкивало к отказу от графологической идентификации пола. Причем от нее стыдливо отворачивалась не только теория. Молчал и эксперимент, к которому графологи, хотя и не систематически, все-таки прибегали.

Так, в обширном труде Р.Заудека, целиком посвященном экспериментальному исследованию разных аспектов почерка и их значе-

ния для «реконструкции» личности, ни слова нет о возможности определения пола писавших. Им рассматривались скорость письма, нажим, организация пространства. Значительное внимание уделялось признакам, свидетельствующим об искренности и честности, формированию новых автоматизмов и подавлению старых и даже особенностям почерка слепого человека. Опираясь на полученные результаты, Заудек построил свой собственный метод характерологического анализа и продемонстрировал его работу на образцах письма известных людей (Э.Грея, Б.Муссолини и т.д.). Однако и тут он не коснулся своеобразия мужских и женских почерков. Даже при описании признаков, чаще других сопрягаемых с полом (угловатость — округлость, нитевидность и др.), ни разу не встречается упоминание о нем[39]. Создается полное впечатление, что в этой системе координат, определяющих параметры личности, пол не играет абсолютно никакой роли.

Даже в фундаментальной работе Р.Пофаля, опубликованной в середине столетия, наблюдается та же картина. Автор, хорошо знакомый с достижениями науки своей эпохи и стремившийся придать графологии солидное физиологическое обоснование, уместил на одной странице все, что имел сказать о графологической проекции возраста и пола. Эволюцию почерка он связывал, в частности, с возрастными изменениями в паллидуме. В отроческие годы движения импульсивны, не сдержанны и плохо координированы. Но при этом они чередуются с неуклюжей вялостью и неподвижностью. Что же касается пола, то Пофаль ограничился тем, что в моторике мужчин преобладают «экономизация, рационализация и гармонизация», тогда как у женщин, начиная с половозрелости, формируется новая грация (в противоположность детской, возникающей на четвертом году жизни и «отмирающей» в переходном возрасте), которая постепенно приводит к некоторому сужению движений и их обеднению[40]. Никакой ясной и тем более целостной картины мужских и женских почерков Пофаль не дает. Как, впрочем, остаются в тени и критерии их различения.

Однако заговор молчания, сложившийся вокруг соотношения пола и почерка, разумеется, не мог стать всеобъемлющим. Даже на-

---

[39] См.: Saudeck R. Experiments with handwriting. N. Y.: William Morrow&co, 1929. P. 268–271, 300–301.

[40] Pophal R. Handschrift als Gehirnschrift: Die Graphologie im Lichte des Schichtgedankens. Rudolstadt in Thuringen: Greifenverlag, 1949. S. 251.

тяжки и передергивания, которыми пользовались Мишон и его последователи, ясно указывали, что связь между этими двумя реалиями все-таки есть. Эксперименты показывали, что пол вполне поддается идентификации по почерку. Причем в большинстве случаев это делается правильно — и не только экспертами в области графологии, но и многими обычными людьми (дилетантами). Что же касается допускаемых при этом ошибок, то они, конечно же, обусловливаются отчасти недостаточным уровнем развития самой графологии и некомпетентностью многих так называемых экспертов. Но не тут надо искать их главную причину. Гораздо важнее, что неточные «попадания» чаще всего фиксируются в случаях, когда «судьи» сталкиваются с «промежуточными» или «инвертированными» личностями — теми, чей пол с трудом распознается не только по почерку, но и по другим формам их проявления.

Petrosyan A.E. Handwriting, sex, and gender: a scandal in the «gentle family»

The background and the evolution of the problem of identifying sex and gender from handwriting is examined in the present article. The experiment of Binet and the typology of handwritings, relying on its base, as well as the results of other similar researches are scrutinized. They had displayed that from a quarter to a third of graphological judgments on sex were wrong what caused a scandal forcing the graphologists to forget that task for a long time. The reasons of the idea that handwriting and soul itself don't have a sex are showed as well as the first attempts of its disproof.

The data of observation and experimental facts regarding the fundamental differences and even a certain contrast of masculine and feminine constitutions of human nature are adduced. The author gives an account of the material revealing how they are expressed in handwritings of not only adult persons but also children having scarcely learnt to write. The experimentally established signs from which even laymen succeeded in defining the sex from handwriting are systematically described. Finally, a demonstration is provided how handwriting, being a form of expression, manifests in experiment a good coordination with other ones (gait, gesticulation, etc.) and produces, in fact, only a fragment of the self-portrait of personality, embodied in various activities.

Keywords: handwriting, sex, graphology, mind, expressive movement.